

— Оооооох, ой-ой-ёй-ой-ёй-ой-ой...

— Не двигайтесь, уважаемый, я же сказал: лежать как бревно.

— С чего это? Я же не твоя жена.

— Всё шутите, полагаю, это хорошо.

Длинноволосый монах нагой лежит на кушетке, ожидая окончания врачебного осмотра. Врач доверия не внушает: само воплощение рассеянности и неряшливости пытается что-то понять. Слишком тёплая мешковатая одежда сама по себе была способна сделать его предметом насмешек, но, вероятно, решив идти до конца, его волосы торчком рассредоточились на голове, хоть птенцов туда сели, и завершал всё пустой, ничего не понимающий взгляд. Доктор в очередной раз сканирует тело пациента, в поисках новых травм изучает результаты и неуверенно мычит.

— Ну что там, док? — Ума начинает терять терпение. — Мне же уже лучше, просто скажите, что запрещаете мне принимать участие турнире, а я всё равно пойду и выиграю, преодолевая боль, как в дешёвых фильмах. Потом окажется, что я травмирован, буду проходить реабилитацию, заведу роман с медсестрой, женюсь, нарожаю детей, потом преступники убьют мою семью, я вспомню старые времена, начну мстить, лично отомщу каждому из них, и по-новой...

— К сожалению, как бы мне не хотелось запретить тебе принимать дальнейшее участие в турнире, я не могу этого сделать. Моя жизнь мне дороже твоей.

— Вот значит как, о времена, о нравы. А ведь если подумать, то выглядит всё так, будто ты мой личный лечащий врач. Будто у меня могут быть средства на личного врача. Что это за игры, патлаты?

Ума пытается встать, но пальцы лекаря пробегают по телу участника, нажимая на нервные узлы, и парализованный монах валится обратно на кушетку.

— Я же сказал: лежать и не двигаться, разве нет, — рассеянно говорит молодой врач.

— В чём твой план? — юноша тщетно пытается пошевелиться, — лечить одного из фаворитов, чтобы он потом взял тебя транзитом на шестой уровень? Или ты выполняешь приказы богатенького свиногуса, решившего повлиять на исход ставок?

— Не хочу прерывать вашу мыслительную деятельность, но выслушивать предположения от идиота, хочу ещё меньше. — Неряшливый доктор крепит к вискам пациента пиявок. — Мне не нужен транзит, так как я уже прошёл пять уровней синтраж, и я не стремлюсь повлиять на ставки, — молодой врач зеваает. — Но в одном ты прав: я выполняю приказ. Правда, если она узнает, что ты назвал её свиногусом, то все мои старания пойдут насмарку, и ты умрёшь...

— Она? — взгляд монаха затухает.

— Да, одна наша общая знакомая, что подобрала меня на одном из первых уровней. Сейчас она ждёт тебя на шестом. Поэтому и отправила меня сюда, зная, что ты ни на что не годен, и велела сделать так, чтобы ты не умер на турнире. Сказала, что если ты умрёшь или не сможешь продолжать участвовать — она мне вырвет яйца и зафарширует ими мои глаза.

— Тесса? Она на шестом уровне? — Ума пылает негодованием, — хрена ли она уже так далеко

забралась?

— О, она начала прохождение ещё год назад. Видимо знала, что ты пойдёшь на «Ню Нова», так что не вздумай проигрывать, и поправляйся перед последним отбором. Знаю: у тебя мало шансов, но ты должен что-нибудь придумать, обязан. Не ради себя, ради моего будущего потомства...

Оба: и пациент, и доктор молчат, погружённые в свои мысли. И только после череды инъекций растяпа-врач нарушает тишину:

— Кажется, к тебе посетители. Ладно, пойду я, не буду мешать.

— Эй! Куда? Я же ещё парализован — верни всё обратно!

— Отдыхай, и старайся больше спать...

— Не смей меня игнорировать, хипстер!

— Главное — поменьше двигайся...

— Да как я тебе буду двигаться! А ну вернись, я буду жаловаться в ассоциацию врачей!

— Удачи... — и доктор исчезает в проёме...

Встреча бизнес партнёров происходила на верхнем этаже ресторана «Пика», выступающего из основания станции подобно маяку. Вид изнутри был пугающе прекрасен. Ощущение погружения в космос было гораздо сильнее, чем на веранде. Взору открывались только окружающие тебя мириады звёзд. Столь манящих и пугающих звёзд. Ведущий организатор турнира зарезервировал весь этаж ресторана на двоих, чтобы вести беседу тет-а-тет. Правда присутствовал на протяжении всей встречи и третий человек, но это не имело значения: говорили только двое, и решение, которое они приняли, удовлетворило обе стороны...

Сейчас Блюс уже закончил трапезу и просто потягивал бокал «винтеро». Юри Грекхем прикончил очередное блюдо и уже не в силах был самостоятельно одолеть десерт. Поэтому доесть десерт ему помогали: стоявший рядом мальчик в одной лишь набедренной повязке и ошейнике кормил невероятно толстого господина с ложечки, попутно вытирая ему подбородок.

Наблюдая эту картину, Блюс не позволил проявиться на своём остром лице ни единой эмоции. Бизнес есть бизнес — здесь нет месту чувствам. И он не уставал себе это повторять.

— Не волнуйтесь, — тяжело сопя, говорит Грекхем, — в неподконтрольных вам областях я не появлялся.

— А я и не волнуюсь, — сделав очередной глоток, отвечает организатор.

Юри улыбается и отталкивает ребёнка от себя, чтобы не отвлекал от разговора. Раб скулит и забивается под стол.

— Ух, стервец, вот это выдержка! Не удивительно, что я принял твои условия. Сразу после турнира оповещу консорциум о сделке. А до тех пор извольте не беспокоиться: я постараюсь решить все возникающие вопросы.

— Что ж, я рад это слышать. Тогда позвольте откланяться. — Блюс намеревается встать из-за стола.

— Ещё один момент, уважаемый. Касательно отбора.

— Только не говорите, что тоже хотите увидеть монашка в финале?

— Не то чтобы, но мне интересно: вас просили многие уважаемые люди оставить стервеца в турнире, и как я слышал — Вы им отказали.

— Да, я никаким образом не собираюсь влиять на исход отбора.

— Так вот, повлияли бы вы на результаты, попроси об этом я?

— А вы хотите, чтобы я повлиял?

Юри долго молчит, прежде чем хорошенько изучить взгляд собеседника и ответить:

— Нет, не хочу. Мне, если честно, до турнира и дела то нет.

— Вот и славно, — Блюс встаёт из-за стола...

Мало кто знал, но девять участников «Ню Нова» арендовали себе помещение для тренировок. Все, кто остался от команды «клинков», сейчас находились в просторном зале, предположительно сконструированном для игры в теннис. Мечники в привычной для них манере отрабатывали удары и проводили лёгкие спарринги. «Клинки» готовились к последнему отбору, готовились к встрече с выходцем из осколков Лиан-Чжунь, готовились убивать.

Вот глава мечников ведёт бой с невидимым врагом, раскручивая свой двуручный меч с невероятной скоростью. Вот второй по силе среди «клинков» точит свои парные мечи. А там, в углу, медитирует обладатель онолированной сабли. Шумят близнецы, сражаясь друг с другом, используя широкие клинки «топазо». Жонглирует серповидными лезвиями безразличный ко всему аскет, машет непривычно длинной двуручной саблей авинец, проверяет крепежи щита уриец, и посапывает в стороне здоровяк-таньялец.

Все они сильны, все они опасны. И зная, что пройдут не все, уже отобрали на транзит сильнейших, не жалея убитых или раненых товарищей: все знали, на что идут. Но не могут оставить поступок юноши-монаха безнаказанным. Нельзя спускать такое с рук. Иначе перестанут бояться, перестанут уважать, и будут все прошлые смерти напрасны...

Никто не удивляется, когда в зал входит уриец с характерно вьющимися золотистыми кудрями и со шпагой на боку. Иола Григ не в первый раз приходит перед отбором, делясь информацией и предложениями — лидер «клинков» прекращает тренировку, и все остальные следуют его примеру.

— Я поговорил с Умой, — аристократ сразу переходит к делу, — предупредил, что вы намереваетесь его убить.

Глава мечников, опираясь на двуручное оружие, ждёт.

— Он хочет сделать вам предложение с моей точки зрения безумное, но, как он считает, от

которого вы не сможете отказаться...

И мечники удивлённо переглядываются, когда Иола озвучивает условие противника — считай уже мёртвого паренька...

За час до этого

— Ядрёна кочерыжка! Ну у тебя глаза и краснючие! — Дурий Морж не церемонится в своём приветствии, — как вообще можно видеть с такими зырками?

— Не волнуйся, зрение ко мне уже вернулось, и твою бородатую харю я уж способен разглядеть за километр, так что приближать ко мне своё лицо так близко не обязательно.

— Крааасные, — рахдиец будто не слышит и, склонившись над пациентом, в упор смотрит тому в глаза. — Ты чего это, ревел всю ночь из-за проигрыша?

— Отойди от меня, хер на палочке, или я плюну на твоё подобие лица. — Ума собирает слюну и смачно плюёт, но Дурий уже убирает голову, и слюна падает на плечо хозяина, медленно стекает вдоль руки. — Твою мышь!

Дурий хихикает, отходя к искусственному окну. Выглядывает в него, чтобы разочарованно крикнуть. В беседу вмешивается доселе молчавший Иола Григ, прикрывший лицо рукой, чтобы не видеть происходящего позора:

— Какое убожество...

— Не-не, это не то, что ты подумал! Это народное средство лечения, я просто смочил ранку слюной!

— Ты хотя бы мог прикрыться при посетителях, — фехтовальщик прохаживается по палате, с трудом сдерживая раздражение.

— Ай нет, врач сказал мне не двигаться, чтобы быстрее поправиться, так что я решил лежать и не двигаться в течение часа. Вот такая у меня сила воли. Да и вообще, только в Сивилии боятся наготы, в других центрах этому не придали бы особого значения.

— Ты даже слюну не удосужишься вытереть, из-за своего решения не шевелиться?

— Я же сказал — это лекарство.

— Ну-ну, — лицо аристократа антипод доверия, — ладно, перейдём к делу.

— Вот это наш Иола! Дела превыше всего, — Ума изливает суточную дозу иронии.

— Первое. Ты — идиот, и это факт: потерять половину своих баллов на предпоследнем отборе из-за непродуманной ставки — просто грань идиотизма. Второе: из-за этого пройти на турнир у тебя шансов нет, так что я бы советовал продать оставшиеся баллы подороже. Третье: в прошлом отборе ты напал на участников, вмешавшись в структуру поединков, нарушил негласное перемирие и нанёс отдельное оскорбление команде «клинков». Так что считай, что ты труп. Это не пара броненосцев собирается тебя поймать. Это казнь всеми участниками отбора. И если ты надеешься, что сможешь продержаться против всех, при этом собрав достаточно очков, чтобы пройти на турнир, — ты болен. Мой тебе совет: отдай кому-нибудь

свои баллы и надейся, что тебя возьмут транзитом на шестой уровень. Это может сработать: ты себя неплохо зарекомендовал.

— Все хотят убить беднягу Уму? — в голосе монаха появилось что-то холодное, змеиное, отчего Дурий перестаёт хихикать, а Йола машинально сжимает эфес.

— Я понял, о чём ты, — улавливает мысль уриец, — не все хотят с тобой связываться, но вряд ли найдётся пятёрка безумцев, которые согласятся встать на твою сторону за небольшой шанс будущего транзита. Скорее: ты получишь нож в спину.

— Проценты?

— Общая информация может оказаться ложной. Но то, что мечники придут по твою голову — это точно. Многим наплевать на ваши разборки, и они просто тихонько переждут отбор. Некоторые говорят, что ты ни у кого баллы не отбирал, поэтому на перемирие это не повлияло. Поэтому это больше будет похоже на сатисфакцию между тобой и «клинками». И в неё лучше не вмешиваться посторонним, потому как неизвестна возможность изменения планов остальной толпы. Кто-то вмешается — бойня начнётся по новой. А я не хочу рисковать в последний отбор. Так что сдавайся по-хорошему, это разумно, хватит игр в безумие.

Участники некоторое время молчат, позволяя тишине заполнить комнату. И есть в этой тишине что-то обременяющее. Ума, закрыв глаза, о чём-то думает. Дурий, почёсывая свою бороду, мнётся на месте. А Йола, в ожидании ответа, присаживается в аэрокресло.

— Искал ли ты, Йола, записи боёв участников из команды «клинков»? — нарушает тишину обречённый пациент.

— Йола...

— Неважно, ну так вот, я не смог найти ни одной трансляции их поединков один на один, что весьма странно, скажу я вам. Ведь я точно знаю, что дуэли они проводили, а записей об этом нету...

— Элементарно, Ама, но я не удивлён, что ты этого не знаешь, — Григ по-позерски смотрит в потолок, — дуэли они проводили в административных помещениях, где записи не ведутся, а чтобы не было нарушений правил, приглашали наблюдателем одного из судей «Ню Нова» или, в крайнем случае, охрану «Ребелентис».

— Ну что сказать: я не знал. И с судьями до сих пор встретиться не посчастливилось.

— Ну что поделать, придётся тебе кое-что объяснить, раз ты даже про судей не знал.

— Да знал я всё, просто забыл...

— Эх... зная, что все испытания Синтраж проводят члены «нобилити», ты мог бы и догадаться, что на турнир «Ню Нова» будут отправлены судьи из ассоциации. Они одновременно помогают в проведении турнира и контролируют действия ведущего организатора, потому как турниры «Ню Нова», в отличие от испытательных уровней организовывают люди, не связанные с ассоциацией. Таковы правила. И с одним из судей ты уж наверняка встречался при регистрации на «Ню Нова»: ты же не забыл бородатого бармена из «Отчаянного».

— Да, много времени утекло...

— Всего три дня, тупица. — Йола сверяет что-то на своём z-блоке. — К нам отрядили трёх судей, чтобы у проигравших участников даже мысли не было выражать своё негодование. Помнишь первого бронника, которого ты победил? Ну так вот, он был весьма недоволен результатом и, несмотря на правила, хотел убить тебя во вне-отборочное время. Охрана станции не смогла бы с ним справиться (с его-то оснащением), и в дело вмешалась одна из судей ассоциации. Она оплывала костюм, зажавив участника до полусмерти. Уж не знаю, что она за чудовище такое, но после того случая никто больше не оспаривал результаты отборов. Поэтому, не в силах поквитаться с судьёй, команда Бар Дьюка и решила выместить всю злость на тебе, что у них, к сожалению, не вышло.

— Твоя поддержка просто бесценна, Йола.

— Йола. Ну так вот, возвращаясь к судьям...

— Возвращаясь к ульям?

— Возвращаясь к судьям, особенно советую опасаться той девушки. Эмили Травл. Ходят слухи, что она потагет, но это не так. У неё есть учёные звания в трёх категориях, и я полагаю: она обладает оружием, созданным ею лично. По официальным данным она прошла уже семьдесят четыре уровня синтраж. И это много.

— Горячая должно быть баба, — не преминул добавить Дурий.

— Со вторым судьёй мы уже виделись при регистрации. Дженсо Вэй. Незиец, проповедующий учения Космо, покоряет синтраж для избавления Бездны от влияния учения Жара. Не знаю его навыков, но сейчас он дошёл до шестьдесят шестого уровня.

— Ну энтог мне сразу понравился, и борода у него в порядке, — рахдиец чуть ли не мурлычет, почёсывая собственную.

— Блин, да тебя что-нибудь кроме волос на лице интересует? Любому фетишу должен быть предел! — Ума заходится в кашле.

— Третий судья довольно известная личность, сын одного из лучших вирт-режиссёров. Кристо Чак. Скандальный персонаж, всегда не прочь подебоширить. В плохих отношениях с отцом. Был учеников прошлого председателя ассоциации Нобилити. Добрался до шестьдесят девятого уровня благодаря сбалансированности своих навыков. Не обладая мастерством в чём-то одном, он довёл до среднего уровня навыки как близкого боя, так и дальнего, как стратегии, так и убеждения, и — благодаря правильному использованию своих умений — представляет собой довольно опасного противника.

— Так его отец Пабло Чак? Мне понравилась его картина «В одном шаге от...», я даже всплакнул маленько, — неожиданно для всех заявляет Морж.

— Послушай, Григ, — Ума с трудом выдавлиывает из себя слова, — я знаю, что не благодарил тебя за помощь раньше, даже если она была рассчитана на выгоду, да и сейчас я тебя благодарить не стану, но я бы попросил тебя об одной услуге...

Это был один из самых дорогих ресторанов станции. Мрачные тона отделки, ассиметрично закрученная архитектура, приглушённый свет и успокаивающая музыка. Столов было не больше дюжины, а посетителей вдвое меньше. Вон в углу уплетает «живое тесто» упитанный

турист. Возле витрины ужинает пара с явным намерением переместиться в постель. Немного дальше потягивает бокал уроженец Сивилии. А ближе к выходу расположились трое посетителей, явно находящиеся в товарищеских отношениях. Они говорили громче всех, но остальным посетителям не мешали. Троица уже успела утолить первый голод, и, беседуя, они старались растянуть приём пищи. Больше всех говорил невысокий рыжеволосый мужчина, которого то и дело одёргивала девушка средней привлекательности, в чьих глазах таилась некая мудрость, способная урезонить ораву таких собеседников. Третий старался их утихомирить, добродушно улыбаясь в свою пушистую бороду и ёрзая на недостаточно большом для него стуле.

— Эми, ты меня в могилу сведёшь, — продолжает спор рыжеволосый, — предыдущий председатель всегда с радостью принимал подобные вести.

— Только вот предыдущий председатель уже не у дел, а нынешний не интересуется подобным, — твёрдо стоит на своём загадочная брюнетка.

— Уверен: кто-нибудь из бывшего совета остался в комиссии и продолжил собирать информацию о новичках.

— Ну да, только вот много ли пользы принесёт твой доклад, если эту информацию с радостью перехватит «древо альянса»?

— Но если сделать их чёрной лошадкой, то последствия могут быть ещё хуже, если...

— Тише, Кристо, не заводись, — двухметровый бородач добродушно хлопает рыжеволосого по плечу, — почему бы вместо споров не придумать альтернативу? Время ещё есть.

— Турнир даже ещё не начался, — поддерживает миролюбивого товарища Эмили, — куда ты так спешишь.

Кристо Чак уже было собирался возразить, как рядом с ним появился официант, бережно ставя на стол бутылку дорогущего сидра.

— Вас спешит угостить молодой человек за тем столиком и просит уделить ему минуту внимания.

Троица бесцеремонно уставилась на щедрого посетителя, взглядами изучая его вдоль и поперёк.

— Кто это? Один из участников?

— Вероятно, хотя я его боёв не запомнила.

— Уриец, а волосы то, золотистые и кучерявые, бесит.

— Не завидуй Кристо, это может быть парик: он из аристократов Сивилии. Видишь? Он с собой даже шпагу притащил.

— И ничего-то я не завидую...

— Всё-таки он нас угостил, может пригласить его к столу? — вспоминая о вежливости, предлагает Дженсо.

— Я не хочу с ним говорить, — отрезает Эмили.

— Да ладно тебе, заучка, хоть один мужчина не побоялся подойти к тебе ближе, чем на сто метров, — Кристо машет участнику, — смотри, даже официант куда-то исчез. Или ты уже расплавила его своей прегидормированной рукой?

Смуглая кожа не позволяет девушке покраснеть, но убийственный взгляд не сулит скандалисту ничего хорошего. В это время уриец подходит к судьям и сдержанно кланяется.

— Добрый день, прошу прощения за беспокойство, меня зовут Иола Григ, один из участников «Ню Нова».

— Присаживайся, дружище, — Дженсо, дружелюбно улыбаясь в бороду, хлопает по свободному стулу, стул в сою очередь скрипит, недовольный подобным обращением. — Ой-ёй-ой, чуть не сломал. Такой хороший стул! Люблю обычные стулья, а не эти новомодные аэрокресла, потакающие человеческой лени.

Иола благодарно кивает и садится на предоставленное место. Тут же появляется официант и ставит перед клиентом липовый чай. Эмили Травл всем своим видом показывает, что беседа её не интересует и, попивая горячий шоколад, смотрит на новостную витрину. Кристо Чак же решает сразу перейти к делу и, улыбаясь, наклоняется поближе к собеседнику:

— Ну-с, с чем пожаловал, достопочтимый, какое у Вас к нам дело?

— Переходя к делу, уважаемый Кристо, я бы хотел сразу уточнить, что я являюсь лишь посредником одного из участников, находящимся сейчас в здравпункте.

— Вот оно как, и чего же хочет этот участник, раз посмел беспокоить судей в час отдыха, да ещё и через посредника? Неужто он думает тем самым избежать гнева единственной и неповторимой Эмили Травл?

Девушка коситься на товарища, мысленно ставя очередной пункт в планах мести по отношению к рыжему засранцу.

— Этого участника зовут Ума Алактум, — продолжает Иола, — и он извиняется, что не смог сам к вам обратиться, но он ещё не оправился от прошлого... прошлых отборов.

— Ума, Ума, как же, знаем, помним. Я лично наблюдал за происходящим в больнице. Давно так не улаждал свой взор. Хе-хе, и что же хочет от нас этот лже-монах?

Аристократ на секунду замирает с удивлением во взгляде, но отбросив ненужные мысли, решает продолжить:

— У него образовался конфликт с «клинками», группой мечников, и он предложил им бой по их правилам.

— Ну же, ну же... — подбадривает собеседника судья, — что же мальчишка придумал на этот раз?

— Он предложил им показать своё мастерство владения холодным оружием, вызвав на бой всех оставшихся мечников и утверждая, что его уровня фехтования хватит, чтобы порубить сотню таких ковыряльщиков, как они.

— Ха-ха, да, это похоже на него, и что дальше?

— После оскорбительного предложения, озлобленные и заинтересованные, «Клинки» согласились, только...

— Только?

— Ума не хочет, чтобы его оружие транслировалось до финала турнира, поэтому предложил провести бой в административном помещении, где не будет трансляторов и камер.

— Я так понял: они и на это согласились.

— Да, именно поэтому Ума и просит о том, чтобы кто-нибудь из вас присутствовал при поединке, чтобы засвидетельствовать, что нарушений правил не будет.

— Что ж, я ни за что не пропущу такое зрелище, — смеётся Кристо, — только мне кажется, ты ещё не договорил.

— Верно, есть ещё кое-что...

— И что же?

В этот момент Иолу прошиб холодный пот, потому что он понял, чего ждёт от него судья. Приди он с предложением взятки, с предложением нарушить правила к человеку напротив, к идущему, прошедшему больше половины уровней Синтраж, то напускная беззаботность судьи обернётся холодной яростью, и не пройдёт и секунды, как наследник семейства Григ умрёт, без единого шанса на спасение. Даже миролюбивый судья Дженсо, не теряя своей добродушной улыбки, в буквальном смысле оторвал бы голову участнику, посмевшему посягнуть на контроль над судьями.

Холодный пот сменяется жаром, но Иола всё-таки продолжает:

— Ума лично просил Вас, того, кто согласится... в случае если он потеряет контроль... чтобы вы не дали ему убить противников, если они уже не будут в состоянии сражаться...

Кристо Чак долго смотрит на участника, прежде чем его взгляд теплеет.

— Что ж, не обещаю, но постараюсь. По крайней мере, я не смогу такое пропустить!

— И надо оно тебе... — монотонно протянула Эмили, всё так же смотря в сторону.

Рыжеволосый судья не обращает на коллегу внимания и с энтузиазмом начинает изучение списков помещений, подходящих для предстоящего мероприятия. Иола, наблюдая за голографическими изображениями комнат и невпопад кивая на любые слова судьи, наконец-то позволяет себе расслабиться.

Участники собирались у складских помещений космопорта. О предстоящем событии были наслышаны уже все. Но в первую очередь пришли те, кто в случае чудесной победы монаха собирались его убить. Вот уже возле проёма сидит Уру Ичи, «звёздный бич», пират среди пиратов, ожидает невозможного: победы своего обидчика, зная, что в просторный склад ведёт только один коридор, один вход, а значит — один выход. Вот ещё участники, набравшие достаточное количество очков для возможности участия в турнире. И они нервничают, ожидая результата схватки, нервничают, потому что от этого зависит их дальнейшее участие.

Сигнал ещё не прозвучал, а потенциальные враги уже собрались в одном месте. Большинство оставшихся участников, достаточно сильных, чтобы дойти до последнего отбора, разбилось на два лагеря, разместившись по обе стороны от проёма. И каждый желал только одного: чтобы не пришлось сражаться, участвовать в бессмысленной бойне, чтобы никто не сорвался, когда победителей определит количество полученных баллов.

Всё получалось безумно глупо: последний и единственный бой отбора должен был решить списки победителей и проигравших. «Почему, почему, почему!?» — в бешенстве спрашивали себя одни. «Это мой шанс!» — радовались другие.

Ответ знали все, просто не все хотели его принимать — потому что девять против одного. Потому что ставки были пятнадцать к одному. Потому что поставь, кто на проигрышный вариант и победы — место в турнире ему обеспечено. Потому что на верную смерть выходил тот, кто уже должен был умереть не раз.

Так и получилось, что одни ставили всё на монаха, другие не знали, что и делать. Но и те и те хотели лично следить за ходом почти судьбоносного боя, в надежде отомстить или не позволить никому причинить вред своему спасительному шансу.

Вот Уру Ичи встречает взгляд Шимуты и ведёт бровью, спрашивая, почему боец не на его стороне, и тут же находит ответ в твёрдом взгляде Гиса, таящем желание сразиться с монахом один на один. Рядом с борцом стоит бывший офицер дозора Дилас, заражённый тем же праведным желанием реванша. Пирату ничего не остаётся, кроме как горько усмехнуться и продолжать ждать. Одни хотят поверить в чудо, другие этого бояться.

И звучит сигнал, и напряжение наполняет ангар, и что-то закипает в самом воздухе, готовое разжечь пожар людской ярости.

Но появляются они — виновники торжества. Сначала между участниками проходят мечники, и источаемая ими жажда ударяет по толпе, тем самым успокаивая её. Не колеблясь, они проходят по коридору, исчезая в просторах складского помещения, и остальные участники невольно расслабляются. Затем появляется молодой монах, неся на плече чехол с человеческий рост, и что-то напевая себе под нос. Выглядит юноша плачевно: с трудом пережив предыдущие схватки, он из последних сил сдерживал болезненные позывы. И толпа это видит, позволяя сомнению проникнуть в их ряды. Ума, прихрамывая, исчезает в проёме, и за ним спешит проследовать невысокий рыжеволосый мужчина — один из судей турнира «Ню Нова».

Проходит несколько минут, прежде чем до участников доносятся звуки схватки...

Зритель негодовал. Одновременно прельщённый возможностью заработать на безумной ставке, он не мог наблюдать происходящего на складе. Да, тут уж каждый не в силах будет удержаться от высказываний. Кроме, естественно, высказываний о возможности подкупа судей, тьфу-тьфу, бестолковые головы! Лишь бы судьи не заподозрили даже возможного намёка. А то потом, поди, и домой живым не вернёшься.

И всё-таки в потоке азарта никто не мог понять, что именно его больше расстраивает: необходимость делать ставку «вслепую», или невозможность наблюдать предстоящий бой. Самые пьяные и безумные ставят свои деньги на какого-то юношу, чьего имени они и вспомнить то не могут, прельщаясь лишь возможным выигрышем. А самые осторожные вообще решают не делать ставки, но и те и те за минуту до отборочного сигнала получают

уведомление. Уведомление о перехвате аудиопотока с места боя и возможности услышать происходящее на складе всего за два юнкоинта...

Многие, многие раскошелились за возможность услышать, что происходит по ту сторону экрана, и многие не стали слушать запись до конца...

— ...так вот что было у тебя в чехле? Не подумал бы, не подумал...

— ...плевать! Посмотрим, как адептов учат...

— Отставить! Наизготовку! Полукругом! — голос прирождённого лидера гремит, чтобы породить бесконечно длинную паузу тишины, предшествующую каждой буре.

— ...Хоне, не спеши!

Что-то звенит, шаркают шаги, и свистит, свистит воздух, рассекаемый ударами мечей, но не пропадает, а сливается в единый бесконечный поток свиста, заставляющий сжаться полевой мышью.

— ...обходи его, обходи!

— ...держат строй! Ловите темп!

— Уклоняйся, идиот! Никаких блоков!

Шарканье, звон и поток нецензурной брани.

— Аааааааааааааа!

— Назад!

— Ноооги! Кромсаай!

— Стой!

— Ааааааа! Хоне! Что...

— Отставить! Он жив!

Свист, звон и ругань сливаются в единую предсмертную композицию. Дополняются новыми звуками: кто-то кричит, кто-то смеётся, свист режет слух, шумы становятся громче, лавиной устремляются вглубь, в самую суть человека, усиливаются, усиливаются и, достигнув кульминации, обрываются на безмолвной ноте... Тишина... Секунда... две...

— ...м-моя рука...

И вопль обрушивается на вселенную, вопль невозможности происходящего, крик останавливающий время — так вопит неуязвимое, когда получает увечья.

— Ааааааа! Сволочь! Он отрубил ему руку!

— Навались!

— Стоять! Строй держи!

— Уууууууу!

— Квасто, мышь его! Как?

— Кидай в голову!

— Цепляй лезвие!

— Слишком быстрый!

— Аааааааа!

Свист. Хруст. Чавкающий удар. Что-то льётся на пол. Снова кто-то кричит. Свист. Звон. Кого-то рвёт. Крик опытных убийц срывается на фальцет, как у новичков.

— Капитан! Ка...

— Сдохни, тва...

Свист. Звон. Хруст. Звук падающего тела.

— Где?

— Двигайтесь! Обходи!

— С двух сторон!

— Формацией, формацией его!

— Нееееет!

— Отступай!

Свист. Чавк. Глухой удар.

— Где они?

— Машу вать!

— Ааааааа!

— Держииись!

— Где мои ноооогииии!?

Ума наспех завязывает чехол и, зажимая порез на шее, плетётся к выходу. Безумно хотелось прилечь, но было нельзя. Нужно скорее выйти из склада, до того как у остальных закончиться терпение, и они решат узнать результаты.

Юноша бесцеремонно тащил по полу свой здоровенный чехол, бормоча себе что-то под нос, отчего сразу и не заметил, что рядом с ним идёт судья Кристо.

— Как? — прохрипел монах.

— Четверо будут в порядке. Остальные — считай трупы. — Рыжеволосый не успевает скрыть восторженное возбуждение и сожалеет об этом. — Да ты не расстраивайся, у тебя же выбора то не было. Да и скольких бы они ещё зарезали? В синтраж всё равно такие не выживают...

— Ай, — Ума сплёвывает на пол.

— Постой, не спеши. Ты бы перевязался: вон порез на всю спину красуется. Отбор то ещё не окончен. Если в ангаре на тебя нападут — я не смогу тебя защитить.

Юноша снова плюёт на пол.

— Надеюсь, это не из-за чувства вины ты собираешься подвергнуть себя опасности. Эти мясники того не стоят. Сплошные показушники, да и только...

— Заткнись, — хрип монаха прерывает судью, но тот не обижается на молодого участника и позволяет ему договорить, — не все были мусором... были сильны... иначе мне бы не пришлось... иначе они бы не смогли меня и поцарапать...

Тёмный коридор заканчивается, и Ума выходит на ослепительные просторы ангара.

— Они закипали хуже дурного индюка, готовые поубивать друг друга, не зная, что им делать дальше...

Ума Алактум, опираясь на чехол, стоял в почти пустом ангаре, ещё сохранившем запах недавней толпы. Рядом с ним нетерпеливо метался судья, а напротив неподвижно застыл Фин Лехц.

— Когда я пришёл, они были готовы взяться за оружие. Но они ушли. Да. Когда я сказал, что у меня с тобой есть незаконченное дело. Да. Тогда уже все поняли, что ты покровсал мечников. Признали, что от них уже ничего не зависит. Да. И со мной связываться не хотели. Да.

Юноша шатается, когда комната внезапно начинает расплываться.

— Ёшки! Да тебе в больничку надо.

И мутант-Фин рывком приближается к монаху, намереваясь подхватить раненого. Ума, ничего не понимая, уклоняется от угрозы и рефлекторно бьёт ногой по шее противника. Шея мутанта вздувается мышцами и гасит удар — Фин даже не поморщился.

— Тише, тише, — Лехц поддерживает юношу, — не напрягайся, я тебе не враг. Ты должен дожить до турнира, уж там то мы повеселимся, уж там то мы попляшем. Да...

008

«Будет ли хвастовством с моей стороны рассказать о своём успехе? О, меня давно разучили любое достижение считать чем-то особенным. В своё время я был подвержен таким вариациям сарказма, что сейчас порой забываю: как выглядит нормальное общение. Но так даже лучше. Так веселей...

Я прошёл все отборы и, благодаря победе над клинками и высоким коэффициентам, я собрал

достаточно баллов для участия в турнире.

Как ни странно, но по большей части прошли те, кто посмел поддержать неразумную ставку на мою скромную персону. А на меня ставили в основном те, кто хотел меня убить. Потому что сталкивались, потому что знали на кого ставят. В конечном итоге в турнире примут участие индивиды или невероятной силы, вроде Фина Лехца, или те, кто рискнул всем и не прогадал. Хотя я уверен: все, кто прошёл — достойные кандидаты...

...Последняя фраза была сказана на случай, если меня подслушивают. На самом деле Иолу Лемиса Григ я не считаю достойным кандидатом...

Что ж, у меня месяц до турнира. За это время мы должны залечить раны, изучить потенциальных соперников и подготовиться к бою. Правда, карнавал в честь окончания отборочных этапов я пропустил, валяясь в больнице, но через месяц смогу понаблюдать карнавал в честь открытия турнира. Да и весь этот месяц, я полагаю, для многих будет сплошной свистопляской. Хотя, если подумать, я не очень-то и люблю все эти шумные праздники: для меня всегда было важно не событие, а компания...»

— Ну что, хочешь позаниматься с Варфоломеем, или может к манекенам? — учитель решает снизить до предпочтений своего ученика.

— Ну не знаю, у меня ещё с того раза синяки не прошли, — оболтус автоматически почёсывает ушибленный локоть, — может лучше в грав-рум?

— Ну, если ты так хочешь... — наставник копирует манеру речи подопечного, — только нагрузку увеличим на...

А мальчишка уже не слышит, уже несётся в соседнюю комнату, к манящей своей чернотой двери. При приближении посетителя дверь отъезжает в сторону, но ученик не влетает в проём как обычно, он замирает перед входом и, в непривычной ему манере, прежде чем войти, собирает с духом.

Комната искусственной гравитации — место неприятных ощущений. Как физических, так и моральных. Помимо вызывающего тошноту давления, также причиняет неудобство незнание процента тяги. На сколько процентов превышена норма: пять, десять? Учитель никогда не говорит. Хуже всего — узнать, что нагрузка составляет плюс один процент, или десятые доли... Так мало, и так тяжело... и обидно... отчего ещё тяжелее...

Вошедший сразу появляется ощущение, будто на руках и ногах появляются по несколько лишних килограмм. «Не думать об этом, только не думать». И ученик начинает выполнять стандартные упражнения, постепенно переходящие в полноценную разминку.

— Наставитель! — кричит утомившийся подопечный, — наставитель! Расскажите мне о легендарных участниках. Только правду... это... как там его... пожалуйста!

— Ну раз пожалуйста, то может и расскажу, — непонятно откуда доносится голос наставника, — только ты ещё не сделал прыжковые упражнения... хотя нет, лучше отработай шаги, не спеша, а я пока расскажу тебе о первом участнике, прошедшем все уровни синтраж.

Мальчишка незамедлительно принимает широкую стойку и медленно начинает менять положение ног, затем тела, и в последнюю очередь производит фиксацию рук. А учитель тем

временем приступает к повествованию:

— Первое поколение «идущих» проходило синтраж под надзором последователей Изгоя. В то время отголоски последней войны ещё терзали сердца людей, и один из организаторов предложил устроить трансляцию определённых испытаний. Идея была не плохая: прибыль от показа позволила создать фонд, направленный на организацию и поддержку синтраж, к тому же показ должен был отвлечь людей от послевоенного кризиса. О, люди отвлеклись! Нельзя переоценить любовь человека к наблюдению за страданиями других. А прототип был сложен для прохождения, слишком сложен... многие погибали, и многое скрывалось от общественности. Поэтому, первые участники, прошедшие дальше пятидесятих уровней, были воистину лучшие из лучших. А первый человек, прошедший все сто уровней, уже не считался человеком. Чудовище в человеческом облики. История помнит его как Форсе, и цель прохождения синтраж у него была, как и у многих: стать сильнейшим. Многих он потерял во время войны, и, будучи ребёнком, никого из родных защитить не смог, и посему более всего желал он силы для защиты дорогих ему людей. Цель свою он достиг: в бою, не уступая даже последователям Изгоя, он внушал ужас врагам и вызывал уважение у друзей. И тех, и других у Форсе было достаточно. Сложно сосчитать уничтоженные им преступные организации и убитых им врагов, как и сложно не учесть помощь его товарищей, приобретённых по прохождению синтраж. Вот так и получилось, что пока враги дрожали от упоминания его имени, а друзья с завидным постоянством пытались его превзойти в пределах синтраж и на открытых поединках, Форсе стал самым сильным человеком на планете. Что говоришь? Да, да, тогда ещё колонии только разрабатывались. Ну так вот: после прохождения последнего уровня, он исполнил свою мечту, но на этом не остановился. Именно Форсе создал ассоциацию «Нобилити» и стал её первым председателем. После чего организация проведения синтраж перешла непосредственно к ассоциации. И вот уже члены «Нобилити», состоящие из отобранных председателем идущих, отвечают за проведение испытаний. Таким образом, ассоциация, в купе с синтраж, довольно быстро выросла до мировых масштабов и вышла за пределы планеты. И на сегодняшний день они сила, с которой приходится считаться каждому управителю Домов Тетра-Виа.

Ученик кряхтит, всем своим видом показывая, что ему скучно. Не этого, не этого он ожидал, когда просил рассказ. Кому нужны исторические сводки, даже изложенные максимально кратко, когда можно раскрыть потенциал найинтереснейшего приключения? Учитель замечает посыл ученика и пытается всё исправить:

— На нашу удачу, сегодня сохранились некоторые записи, дающие обрывочные данные о жизни этого легендарного человека... так-с, посмотрим, что тут у нас есть...

В центре комнаты высвечивается голограмма, транслирующая обрывочные картинки. Вероятно, запись была повреждена, потому как голо-ряд было практически не разобрать, но звук, на счастье, сохранился. В лучах смутно вырисовывалась фигура какого-то человека, рассказывающего о жизни великого Форсе Де Вольвудо:

— ...да, я был одним из ближайших его друзей, стыдно признаться, но я был самым слабым из них, самым слабым и неуверенным в себе. Но Форсе всегда меня поддерживал, всегда верил в меня, и это делало меня сильнее...

«Звёзды, ну что за слизняк», — думает себе мальчишка.

— ...как сейчас помню: однажды организатор пятидесятого уровня не хотел меня пропускать. Да, последователи Изгоя были строги к нам, и кого-то вроде меня они не считали достойным прохождения синтраж... Но Форсе не согласился, он спорил с судьёй до посинения,

единственный, кто не боялся выступить против организатора. Конечно, мирно это не закончилось — они подрались. Хотя и дракой то это назвать сложно: разнесли здание администрации в пух и прах. Да, было здание, и не стало здания, вот так, как пальцем щёлкнуть...

«Эй-эй, да похоже: от тебя там только одни проблемы были, ты же только тормозил легенду на восхождении к его цели!»

— ...я собирался покинуть команду, считал себя обузой, и после следующего уровня я подошёл к нему и сказал, что ухожу.

«Правильно, правильно, хоть что-то толковое сделал».

— ...к семидесятому уровню на нас точила зуб уже половина преступных организаций...

«Что? Как? Почемууу? Почему ты остался в команде? Блин, я прослушааал?! Почему ты так плавно перешёл дальше? Повтори, повтори, сволочь».

— ...никогда я больше не видел его таким злым. Воистину: тогда он перестал быть человеком. Он уничтожил целую флотилию кочевников за один день, просто таранил один корабль за другим. Я прикрывал его, но, похоже, он про меня забыл и в одиночку шёл на абордажи, не давая мне возможности сделать хоть один выстрел. Это напомнило тот случай, когда мы собирали грибы в грибороще. Это было около...

«Погодь, погодь, погодь! Ты же только начал рассказывать что-то интересное! Отмотайся назад, слизняк! Не хотим мы слушать про твои грибы!»

— ...дааа, вот это было время, вот это был человек! Великий! Величайший! И главное: никто не знал, что у него аллергия на клубнику! Это же надо было прожить жизнь и не попробовать эту ягоду!

«Неужто, Форсе и вправду умер от аллергии? Я-то надеялся на заговор».

— Когда я принёс ему в гости ранний сорт «венеро»... эх, тяжёлые воспоминания, такая смерть для героя...

«Балин!!! Так это был ты?! Ты принёс ему клубнику? Из-за тебя он умер?! С меня...!»

— Хватит! Наставник! Наставник! Выключите! Выключите это!

— Секундочку, я найду что-нибудь поинтересней, — пытается всё исправить полностью провалившийся в своих стараниях учитель.

— Хватит с меня, вашего интереса, я домой! Исправить он собрался, ну конечно! Сердца у вас нету, так издеваться над учеником, показывать это убожество, когда обещали что-нибудь клёвое! Ну всё, я домой, буду смотреть мультики и никаких упражнений. Скандальный ухooод!

И подопечный бежит к выходу, прыгает, намереваясь разбить стеклянную дверь. Но дверь открывается, пресекая скандальный уход в зародыше, и мальчишка вылетает в коридор...

Интересно, если стереть хорошие воспоминания, предшествующие плохим — станет ли человеку легче?

<http://tl.rulate.ru/book/8500/159580>